«Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых
и не стоит на пути грешных,
и не сидит в собрании развратителей» (Пс. 1: 1)

Часть 1

В светлую память о Николае Семеновиче Лескове (1831—1895), выдающемся писателе-классике, непревзойденном художнике слова, стоит пристальнее взглянуть на один из поворотных моментов его жизни — историю увольнения с государственной службы. На вопрос: «Зачем Вам такое увольнение?» — Лесков ответил: «Для некролога». Это произошло в 1883 году — 137 лет назад.

Определением министра народного просвещения И. Д. Делянова Лесков был отчислен из министерства «с увольнением от звания члена особого отдела Ученого комитета по рассмотрению книг, издаваемых для народного чтения».

1 марта 1883 года в 29-м номере журнала «Церковно-общественный вестник», с которым сотрудничал автор «Соборян», «Запечатленного Ангела», «Очарованного странника» и других шедевров русской словесности, сообщалось, что 9 февраля из Министерства народного просвещения отчислен «коллежский секретарь Лесков (известный наш писатель)».

Широко известного автора — горячего просветителя и проповедника христианских истин, чьей жизненной и творческой установкой всегда было писать и говорить так, чтобы укрепить в человеке «проблески разумения о смысле жизни»*, чтобы «что-нибудь доброе и запало в ум» (XI, 472) и сердце читателя, — уволили из Мини-

---

* Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. — М.: ГИХЛ, 1956—1958.— Т. 11.— С. 477. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением тома римской цифрой, страницы — арабской.

стерства просвещения. Парадоксальный, казалось бы, факт: истинный просветитель оказался ненужным на государственном уровне российской нивы просвещения.

С чего же все началось? Как и почему выдающийся русский писатель сделался гражданским служащим невысокого ранга — с чином коллежского секретаря, который скромно ютился на десятой ступеньке служебной лестницы из 14 классов согласно Табели о рангах? К слову, тем же мелким, незначительным чином были «пожалованы» гении русской литературы А. С. Пушкин, И. С. Тургенев.

Зачем же решился Лесков делить свое время между вдохновенным творческим трудом и чиновничьей службой? За ответом далеко ходить не надо. Он на поверхности: это бедность, материальная неустроенность, финансовая необеспеченность, недостаток средств даже на скромную жизнь без излишеств — обычная судьба честного писателя в России и раньше, и теперь. Стесненность в денежных средствах испытывали и Пушкин, и Гоголь, и Достоевский, и многие их собратья по перу масштабом поменее.

Лесков не раз оказывался в бедственном материальном положении. Величайший певец русского подвижничества, создавший для Руси «иконостас ее святых и праведных», подчас претерпевал нужду на грани голода и нищеты. Нельзя без душевной боли читать горькие сетования в лесковских письмах: «мне буквально нечего есть; у меня нет средств работать новой работы, которая бы меня выручала из беды <...>; мне нечем заплатить полутораста руб. за дочь мою, обучающуюся в пансионе <...>, и я не могу отдать 200 руб. долгу г. Краевскому,— что меня стесняет до последней степени» (X, 266); «я бился пятнадцать лет и много раз чуть не умирал с голода» (XI, 254).

Однажды на грани отчаяния обратился Лесков в Литературный фонд с прошением предоставить ссуду в 500 рублей, которые он обязывался возвратить с процентами, завершив работу над пьесой «Расточитель»: «Средства для отдачи этого долга я имею: эти средства — моя драма <...> средства же не умереть с голода и продолжать работу без такого пособия Фонда решительно не вижу» (X, 266). Писательская организация отказала в этой просьбе, но в виде подачки-милостыни снисходительно предложила «оказать некоторое пособие автору <...> предварительно собрать сведения о положении г. Лескова».

Писатель не принял фарисейского подаяния. Как только он узнал о постановлении Литературного фонда, то ответил немедленно: «Не имея способности принимать от кого бы то ни было безвозвратных пособий, я тем более далек от желания получить их от членов русского литературного общества, которое отозвалось, что оно меня не знает и в кредите мне отказывает» (X, 267). Так литературные псевдо-собратья — пигмеи в сравнении с Лесковым по силе творческой одаренности — в очередной раз ханжески от него отреклись.

«*Славы не ищу, совести боюсь, в деньгах нуждаюсь*» — такую надпись сделал Лесков на своем фотографическом портрете, подаренном критику В. П. Буренину, выступавшему в последние годы жизни писателя с одиозными статьями (в 1890-е годы в газете «Новое время» он поместил ряд резких заметок и фельетонов о лесковских сочинениях). Эта фотография с автографом Лескова хранится в Доме-музее писателя в Орле.

Сберегается в орловском музее и другой автограф писателя — на его книге «Смех и горе (разнохарактерное potpourri* из пестрых воспоминаний полинявшего человека. Посвящается всем находящимся не на своих местах и не при своем деле)», подаренной младшему брату в 1871 году.

В тот год Лескову исполнилось 40 лет. Новую книгу он расценивал как важную творческую веху в субъективно переживаемый переломный момент своего земного поприща. Это одно из этапных произведений Лескова. Позднее он признавался: «Я стал думать ответственно, когда написал “Смех и горе”, и с тех пор остался в этом

---

* Попурри — смесь, мешанина (франц.).

настроении — критическом и, по силам моим, незлобивом и снисходительном» (X, 401—402).

Дарственная надпись весьма оригинальна: «Достолюбезному старшему брату моему, другу и благодетелю Алексею Семеновичу Лескову, врачу, воителю, домовладыке и младопитателю от его младшего брата, бесплодного фантазера, пролетария бездомного и сея книги автора. 7 июля 71 г. СПб.»

Слова эти поначалу могут вызвать недоумение: Николай Семенович называет Алексея Семеновича, который был шестью годами моложе писателя, «старшим братом». Но речь здесь идет не о возрасте, а о «старшинстве» в смысле материальной обеспеченности. Алексей Семенович Лесков был киевским врачом с обширной практикой, что позволило ему обзавестись собственным особняком вблизи Софийского собора — стать «домовладыкой». Достаток дал ему возможность быть «благодетелем» небогатых ближних и дальних; «младопитателем», поскольку к нему «лепилось, около него кормилось и ютилось и свое, и женино, и невесть чье до какого колена родство или свойство»*. Младший брат писателя был радушен, щедр и обладал особым даром «пригрева близких».

Старший Лесков, посвятивший свою жизнь самоотверженному литературному труду, в глазах меркантильных обывателей — «бесплодный фантазер», «пролетарий бездомный», который не нажил от трудов праведных не только палат каменных, но даже не имел хотя бы какого-нибудь стабильного заработка. И в шутку, да и всерьез (снова срабатывает разнополярная система координат «смеха и горя») умаляет Лесков себя перед младшим братом — «старшим» по бытовому устройству жизни. Так за шутливой формой дарственной надписи проступает немалая доля горечи.

Чтобы как-то поправить свои финансовые дела, получать обеспечивающее жизнь жалованье, а также в новом качестве посодействовать делу народного просвещения писатель поступил на государственную службу. В начале января 1874 года Лесков был назначен членом особого отдела Ученого комитета Министерства народного просвещения по рассмотрению книг, издаваемых для народа. Министр обещал годовой оклад в две тысячи рублей. Однако это оказалось враньем и издевкой: в реальности денежное содержание Лескова на службе было урезано ровно вдвое.

Писатель с большим именем в литературе так и не дождался хотя бы какого-нибудь повышения заработка за все долгие годы безупречной служебной деятельности. В 1881 году Лесков писал И. С. Аксакову: «решили, что довольно с меня и меньшего жалованья, — назначили членом ученого комитета (1000 руб.), и с тех пор я здесь восемь лет “в забытьи”, хотя Толстой <Д. А. Толстой — министр народного просвещения, обер-прокурор Святейшего Синода. — А. Н.-С.> знал меня хорошо, считая, по его словам (Кушелеву и Щербатову), “самым трудолюбивым и способным”, и лично интересовался моими мнениями по делам сторонним (например, церковным)» (XI, 254).

Так лесковские надежды, связанные с государственной службой, были с самого ее начала развеяны: «вместо сколько-нибудь ощутительного укрепления бюджета и выполнения иногда любопытных, живых служебных заданий предстояло полустариковское сидение за рассмотрением книг, издаваемых для народа, под нестерпимым гнетом “благочестивого вельможи”» (2, 178).

«Помилуйте, с утра до вечера убиваться над какою-нибудь сушью, над какою-то, с позволения сказать, бумажною мертвечиной», — говорил о чиновничьей службе один из героев пьесы М. Е. Салтыкова-Щедрина «Тени» (<1862>)**.

---

* Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2 т. — М.: Худож. лит., 1984.— Т. 2.— С. 155. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением тома и страницы арабскими цифрами.

** Салтыков-Щедрин М. Е. Тени // М.Е. Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений в 20 томах. — М.: Худож. лит., 1965.— Т. 4.— С. 358.

Однако Лесков со всей ответственностью, с полной самоотдачей выполнял трудоемкую, кропотливую работу: был рецензентом, готовил многостраничные доклады (один из важнейших — «О преподавании Закона Божия в народных школах»), объемные служебные записки, заключения, отчеты, массу другой служебной документации. Подробное описание материалов этого рода деятельности писателя представлено в книге его сына и биографа Андрея Лескова*.

В период службы писателя в Министерстве народного просвещения сменились четыре министра, но ни один из них не подумал хотя бы как-то отметить и поощрить необыкновенного сотрудника за безупречный, добросовестный труд, на который затрачивались большие силы, драгоценное время.

Лескова обходили также повышением по служебной лестнице, забывали повышать классный чин даже за выслугу лет, держали, что называется, «в черном теле».

«Крупному человеку у нас всякий ногу подставит и далеко не пустит, а ничтожность все будет ползти и всюду проползет», — говорится в лесковской статье «Заповедь Писемского» (1885).

О том, каким издевательствам «чиновная шишмара» (2, 179) подвергала писателя, как куражились над ним, язвили и жалили его канцелярские букашки, отравляя Лескову жизнь, он вспоминал в письме Аксакову: «Наконец им стало стыдно не давать мне ничего, и Георгиевский <председатель Ученого комитета — А. Н.-С.> лет через пять после моего поступления сделал представление о награде меня за многие полезные труды и “за прекрасное направление, выраженное в романе "Некуда", навлекшем на меня ожесточенное гонение нигилистической партии”, — чем бы Вы думали: чином надворного советника, то есть тем, что дается каждому столоначальнику и его помощникам. Мне это испрашивалось *в числе двадцати человек,* назначаемых к особым наградам к *Новому году*. И что, Вы думаете, последовало? Толстой на обширном и убедительном докладе Георгиевского надписал: “Отклонить”, а из числа двадцати чиновников *одного меня вычеркнул*. И это всякий чиновник д<епартамен>та видел и хохотал над тем, что значит быть автором “Некуда”. “После того и деться некуда”, — острил в сатире Минаев. Чем же эта молодежь напоевалась, видя такое усердие меня обидеть, признаться сказать, в таком деле, которое мне и неинтересно, потому что быть или не быть “надворным советником” уже, конечно, — все равно» (XI, 254—255).

Несмотря на последнее заявление в этом фрагменте письма, по всему его тону чувствуется, что обиды и унижения не прошли для Лескова даром, бурлили и поднимались со дна души, засели в «печенях», как позже писал он о приснопамятном «огорченном налиме» в своей последней повести «Заячий ремиз» (1894).

«Нам по службе нет счастья в роду»,— говорил писатель своему сыну Андрею (2, 176). В министерстве продвигали тех, кто даже близко не мог сравниться с Лесковым по одаренности, глубинному постижению жизни России, знанию русского народа «в самую глубь». Честный высокоталантливый художник русского слова, идущий своим путем — *«против течений»*, государственной системе был неугоден — здесь привечали только раболепствующих низкопоклонников, вышколенных и выдрессированных бездарностей по прозванью *«Чего изволите?»*. Собственное мнение здесь никогда не приветствовалось, вызывало подозрение, отторжение и страх.

Крайне нерасположен к выдающемуся русскому писателю был его непосредственный начальник по службе А. И. Георгиевский — завистливый инородец-безбожник, выходец из Одессы. Он отличался особой еврейской мстительностью и не

---

* См. также: Чуднова Л. Г. Н.С. Лесков в Министерстве народного просвещения // Лесков Н.С. Полн. собр. соч.: В 30 т. — М.: ТЕРРА, 1996 — издание продолжается <весьма показательно для современной государственной издательской политики отношение к сочинениям Лескова: к 2018 году, за 22 года с начала издания, выпущено в свет лишь 13 из 30 запланированных томов. — А. Н.-С.>. — Т. 13. — С. 534—576.

забывал «оцарапавшее его перо» — статью Лескова «Литератор-красавец» (1867), в которой однажды был задет писателем задолго до его поступления на службу. На одном из автографов Лесков сделал приписку: «Георгиевский Александр Иванович. Экс-либерал из Одессы.— “Рука Каткова” и “подобие Бисмарка в России”» (2, 179). О нем же отозвался писатель в одной из корреспонденций: «провинциальная шушера и чиновная шишмара, взросшая в пресмыкательстве и добивающаяся его от других» (2, 179).

Пронырливая одесская «шушера», прокравшаяся искательством, подобострастием и подкупом до кресла председателя комитета в министерстве, продувная бестия Георгиевский мнил себя важной персоной и не упускал случая подчеркнуть свою значительность. Ординарность, напустившая на себя начальственное высокомерие, не терпела таланта и самобытности в подчиненных. Этому чинодралу подошла бы характеристика из пьесы Салтыкова-Щедрина «Тени»: «Он так же, как и все эти трутни-проходимцы, весь сшит из чужих лоскутьев, весь набит чужими словами, весь пропах чужими запахами»*.

В романе «На ножах» (1871) — за три года до поступления на службу — Лесков разоблачил один из распространенных способов многовековой массовой мимикрии противников Христа, подобных экс-нигилисту «деятелю на все руки» еврею Тихону Кишенскому. Таким, как он, «нужен столбовой дворянин», в том числе и для того, чтобы под прикрытием русских, особенно — знатных, фамилий пробираться на руководящие должности, занимать ключевые посты в государственных, коммерческих, религиозных, общественных учреждениях России с целью кабалить, разлагать и уничтожать коренное население страны, глумясь над его христианскими идеалами и православной верой; маскируясь русскими именованиями и вывесками; снаружи рядясь в овечьи шкуры, будучи изнутри волками; фарисейски прикрываясь благими целями доброделания, безбожно обогащаться, получать свои барыши, выгоды, прибыли и сверхприбыли, служить не Богу, а мамоне. О чужеродном кабальном иге, опутавшем Россию, настоятельно предупреждали Святые отцы — христианские подвижники.

«*Кто втерся в чин лисой, тот в чине будет волком*»,— писал о таких В. А. Жуковский. О подобных проходимцах говорил также И. А. Крылов в своей басне «Осел» (1815):

В природе и в чинах высокость хороша,
Но что в ней прибыли, когда низка душа.

Салтыков-Щедрин в драме «Тени» представил типические черты бюрократической среды: «надо много ловкости, чтоб пробалансировать», «нужно только обладать бесстыдством!»; «от них разит тлением»; «какая-то неприятная юркость, какое-то молодеческое желание блеснуть изворотливостью совести»**. «Точно я попал в трущобу, в которой копошится гадина, и не знаю, где она кроется и куда хочет направить свое ядовитое жало!»*** — мог бы воскликнуть вслед за щедринским героем Лесков.

Характерен переданный сыном писателя следующий эпизод служебных взаимоотношений между начальствующим и подчиненными. Упоенный сознанием собственного властительного величия Георгиевский церемонно-торжественно появлялся на заседаниях комитета всегда последним, «дабы иметь возможность благосклонно принять почтительное приветствие всего состава возглавляемого им органа и, первым опустясь в председательское кресло, милостиво пригласить всех занять свои места. Это пышное “сретание”, повторявшееся каждый вторник, мутило дух уже отвыкшего от многого литератора. Чтобы не вставать при появлении его превосходи-

---

* Салтыков-Щедрин М. Е. Тени // М. Е. Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений в 20 томах.— М.: Худож. лит., 1965. — Т. 4.— С. 364.

** Там же.— С. 345, 350, 379.

*** Там же.— С. 376.

тельства в распахивавшихся курьером дверях, Лесков никогда не садился до появления последнего» (2, 180—181).

Автор этих строк, имеющий многолетний опыт государственной службы, свидетельствует, что до настоящего времени во всей бюрократической низости сохраняется точно такая же чиновничья «церемония» с ожиданием «высокого лица» (будь то губернатор, председатель законодательного собрания, начальник департамента и т.п.), появление которого все обязаны почтить вставанием и получить снисходительное разрешение садиться. Какой-нибудь мелкий чиновнишко-наблюдатель (чаще всего сотрудник организационной службы), чтобы потом доложить «наверх» о нелояльности к властям предержащим, по старинке «берет на карандаш» — заносит в блокнотик фамилии тех, кто не успел или не захотел раболепно привстать перед начальственной персоной.

Пожалуй, все это мелочи. Но, как известно, из такой вот «тины мелочей» слагается жизнь, а человек наиболее проявляется именно в мелочах. В цикле «оглушительных» очерков «Мелочи архиерейской жизни (картинки с натуры)» (1878—1880) Лесков обратил внимание на те «мелочи жизни, в которых человек наиболее познается как живой человек, а не формулярный заместитель уряда — чиновник, который был да и умер, а потом будет другой на его место — все равно какой» (VI, 535). Писатель показал неразрывную связь мелочей с общим устройством жизни.

Часть 2

Пылкий человек с пламенной душой, с трудом сдерживающий праведный гнев и негодование, Лесков задыхался в удушливой, затхлой атмосфере «умеренных и аккуратных» канцелярских ничтожеств, угодливых лизоблюдов, продажных подлецов, по-лакейски заискивающих перед вышестоящими и готовых при всяком удобном случае пинать нижестоящих.

Понятия чиновник и подлец в русской классической литературе составляют один синонимический ряд. *«Будешь ты чиновник с виду / И подлец душой»,*— писал в «Колыбельной песне» Н. А. Некрасов. В поэме «Кому на Руси жить хорошо» (1866—1876) он сложил о чиновниках такие строки:

В груди у них нет душеньки,
В глазах у них нет совести.
На шее — нет креста!

О безбожных, бессовестных, бездушных бюрократах, об их жизни, «полной трагикомических скачков от наглости к пресмыкательству (XI, 24), не раз говорил и писал Лесков. Марионетки, заводные живые механизмы получили у писателя многозначащее именование «чертовы куклы».

О замысле романа с этим названием Лесков сообщал 3 августа 1875 года в письме А. П. Милюкову, говоря о подхалимах и прихлебателях из Министерства народного просвещения, славших министру графу Д. А. Толстому приторно-льстивые восхваления: «Еще ли не деятели? А того нет, чтобы сказать графу о стоне, который стоит по всей стране за неразрешение переэкзаменовок за одну двойку... Кто же будет с ними? — Конечно, только они сами, пока их черт возьмет куда следует. Они мне и здесь и воду, и воздух гадят, и на беду их тут много собралось.

В заключение скажу, что вся эта пошлость и подлость назлили меня до желания написать нечто вроде “Смеха и горя”— под заглавием “Чертовы куклы”, и за это я уже принялся» (VIII, 627—628).

Комитет, в котором работал писатель, вызывал у него отвращение: «“Комитет мерзил” Лескову еще с 1875 года, а ученого председателя его Лесков, опасаясь своей вспыльчивости, почитал за счастье “не видеть” вовсе» (2, 177).

Согласно лесковской эпиграмме, государственный контролер Т. И. Филиппов — «мерзкий сводня, / Льстец презренный и холоп» (2, 187).

Упоминая в письме о министре Делянове, писатель добавлял: «к которому я питаю только презрение, вполне им заслуженное» (2, 195).

Этот министр народного просвещения налагал путы на дело просвещения народа и прославился недоброй славой, когда издал нормативный акт, прозванный в России «циркуляром о кухаркиных детях», в котором предписывалось не принимать в гимназию «детей кучеров, прачек, мелких лавочников и т. п.». Лесков немедленно откликнулся статьей «Гимназический крах»(впоследствии — «Темнеющий берег»). Он писал издателю А. С. Суворину: «Ивана Делянова с его последним распоряжением, кажется, позволяется сажать на кол тою частию его тела, которая у него более прочих пострадала» (XI, 351).

Той же участи можно было бы пожелать современным руководителям российского просвещения — затейникам ЕГЭ и ОГЭ, преднамеренно оглупляющим учеников, заранее поделившим на касты детей, с младенчества встраиваемых в государственную машину по закабалению и подавлению личности на всех социальных уровнях.

На протяжении последних постперестроечных десятилетий планомерно проводится изуверская политика разрушения и уничтожения полноценного образования. Страх чиновников от образования перед честным словом русских писателей столь силен и так велика ненависть к отечественной литературе и ее «божественным глаголам», призванным «жечь сердца людей», что до настоящего времени христиански одухотворенная отечественная словесность заведомо искажается, преподносится с атеистических позиций в подавляющем большинстве учебных заведений России. Варварское притеснение русской словесности в школе привело к катастрофической тотальной безграмотности во всех областях деятельности, вплоть до высших властно-чиновничьих сфер. Чудовищно то, что в России повальной неграмотности уже мало кто удивляется и почти никто ее не стыдится. Это приметы нашего времени, неоспоримые факты.

Сегодня только толстосумы могут дать своим отпрыскам достойное образование, стоящее больших денег. Но дети бедняков и родителей из так называемого «среднего класса» вынуждены учиться *«чему-нибудь и как-нибудь»*. В лучшем случае их ждет удел обслуживающего персонала для сильных мира сего, в худшем — они становятся просто «рабочей силой» или «человеческим материалом», которым власть имущие могут распоряжаться по своему усмотрению.

Очень «опрятный в душе человек» — Лесков никогда не поступался своими принципами. В одном из писем он заявлял: «Прошу вас на меня никогда не смотреть как на пешку, которую можно двинуть без разбора во всякий след. Это всегда будет ошибочно и *мне несносно*» (2, 195).

Наиболее актуально звучат слова Лескова, который устами своего героя-правдолюбца Василия Богословского в повести «Овцебык» (1862) обращался к тем «благодетелям» народа, у кого слово расходится с делом: «О, горе сим мытарям и фарисеям! <...> А вижу я, что подло все занимаются этим делом. Все на язычничестве выезжают, а на дело — никого. Нет, ты дело делай, а не бреши. <...> эх, язычники! фарисеи проклятые! <...> Таким разве поверят! <...> Душу свою клади, да так, чтоб видели, какая у тебя душа, а не побрехеньками забавляй» (I, 52).

«Возненавидел я сборище злонамеренных и с нечестивыми не сяду» (Пс. 25: 5),— словами псалма можно было бы передать отношение писателя к государственной службе. И все же он, неуживчивый в гнусной среде бездарных и бездушных министерских чинуш, вынужден был тянуть эту тяжкую лямку.

Терпение Лескова вызвало удивление у его сына — автора биографии писателя: «Почему-то сам он, как это ни странно, точно не задумывался над тем — совместимо ли с занимаемым им служебным положением, год от года становившееся все менее

“благонамеренным”, если не “потрясовательным”, направление всей писательской его деятельности? Почему-то не собрался пересмотреть вопрос — нужна ли ему вообще на что-нибудь эта нудная служба с ее жалким окладом, отнимающая так много рабочего времени от писательства, со всеми ее досаждениями! Что могла она сулить в будущем, если до сих пор приносила только одни уязвления, недвижимо держа его на самой низшей оплаченности в восемьдесят рублей в месяц, не повышая в чинах даже “за выслугу лет”! Шел планомерный измор. Как можно было его не замечать и терпеть!» (2, 176—177).

В письме к А. С. Суворину у Лескова есть знаменательные слова: «я не мщу никому и гнушаюсь мщения, а лишь ищу правды в жизни» (X, 297—298). Такова была его человеческая, гражданская и авторская позиция. «Законникам разноглагольного закона», подменяющим заповеди Божьи лукавыми социально-политическими установлениями, Лесков противопоставил Христа, «Который дал нам глаголы вечной жизни». В рассказе «Под Рождество обидели» (1890) писатель предложил поразмышлять: «Читатель! будь ласков: вмешайся и ты в нашу историю, вспомяни, чему тебя учил сегодняшний Новорожденный <...> ты разберись, пожалуйста, сегодня с этим хорошенечко: обдумай — с кем ты выбираешь быть: с законниками ли разноглагольного закона, или с Тем, Который дал тебе “глаголы вечной жизни”...»*

В лесковский текст органично вживляется евангельская цитата. Апостол Петр, отвечая Христу, говорит, что Господь для людей — единственное духовное прибежище: *«Симон Петр отвечал Ему: Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни, И мы уверовали и познали, что Ты Христос, Сын Бога живого»* (Ин. 6: 68—69).

Справедливо названный «величайшим христианином среди русских писателей»** Лесков оставался с Христом, слушаясь прежде всего голоса совести и отказываясь «с притворным благоговением нести мишурные шнуры чьего бы то ни было направленского штандарта» (XI, 234). Писатель и на государственной службе выбрал службу Христу по Его заповеди: *«Кто Мне служит, Мне да последует»* (Ин. 12: 26).

Незадолго до отставки Лесков по распоряжению министра был назначен членом комиссии по рассмотрению сочинений, представленных на соискание премии имени Петра Великого. За эти труды писателя удостоили специальной золотой медали. Но он не принял министерской награды и попросил отправить ее в Орел для помощи беднейшему ученику гимназии, в которой сам когда-то учился. Уже после увольнения — 31 марта 1883 года — Лесков писал редактору «Исторического вестника» С. Н. Шубинскому: «золотую медаль, мне следующую, просил прямо из министерства отослать в Орловскую гимназию на помощь беднейшему ученику, отправляющемуся в университет» (2, 198). Спустя неделю — 7 апреля — Лесков известил о том же директора Орловской гимназии.

С каждым годом возрастала критическая настроенность писателя по отношению к неправедно устроенному обществу. Лесковское творчество становилось не просто оппозиционным, но по-настоящему «потрясовательным» (выразительный словообраз не сходит со страниц повести «Заячий ремиз» — «лебединой песни» писателя).

В эти годы созданы хроника «Захудалый род» (1874), повесть «Детские годы (Из воспоминаний Меркула Праотцева)» (1874); начат роман «Чертовы куклы» (1875); написаны рассказы «Пигмей» (1876), «Железная воля» (1876), очерки «Великосветский раскол» (1876); очерки и рассказы 1877 года «Карикатурный идеал. Утопия из церковно-бытовой жизни», «Владычный суд», «Бесстыдник», «Некрещеный поп», «Явление духа». Затем в 1878 году появились очерки «Русское тайнобрачие» и «Мелочи архиерейской жизни», рассказ «Ракушанский меламед»; в 1879 году — «Однодум», «Ше-

---

* Лесков Н. С. Под Рождество обидели // Лесков Н. С. Собр. соч.: В 3-х т.— М.: Худож. лит., 1988. — Т. 3.— С. 205.

** J. von Guenter. Leskov. Russlands Christlichster Dichter.— Jahrgang 1, 1926.— S. 87.

рамур», «Рождественский вечер у ипохондрика» (впоследствии: «Чертогон»).

Писатель устраивал настоящий чертогон бесам в человеческом обличье. Одно за другим следовали хлесткие, жгучие, занозистые беллетристические и публицистические произведения: «Безбожные школы в России», «Об обращениях и совращениях», «Случаи из русской демономании», «Епархиальный суд», «Дворянский бунт в Добрынском приходе», «Святительские тени», «Иродова работа», «Бродяги духовного чина», «Райский змей», «Церковные интриганы», «Официальное буффонство», «Синодальные персоны», «Поповская чехарда и приходская прихоть», «Заказная литература», «Благонамеренная бестактность», «Вечерний звон и другие средства к искоренению разгула и бесстыдства», «Жидовская кувырколлегия (Повесть об одном кромчанине и о трех жидовинах)».

Одновременно из-под пера Лескова выходили истинные шедевры художественной прозы: «На краю света» (1879), «Кадетский монастырь» (1880), «Несмертельный Голован» (1880), «Белый орел» (1880), «Дух госпожи Жанлис» (1881), «Христос в гостях у мужика» (1881), «Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе» (1881), «Путешествие с нигилистом» (1882), «Привидение в Инженерном замке» (1882).

Кто знает, сколько еще превосходных произведений мог бы создать писатель-христианин, если бы рутинная казенная служба не отнимала у него столько сил, времени и не отвлекала бы от литературного творчества. И если бы не события в связи с государственной службой Лескова, имена всех этих «сиятельных», «высокопоставленных» и «высокопосаженных» особ: сановников, руководителей министерств, департаментов и комитетов — никто бы не вспомнил, они сгинули и стерлись бы навсегда: *«нечестивые* <...> *как прах, возметаемый ветром»* (Пс. 1: 4),— но теперь известны недоброй памятью.

Художественно-публицистическое творчество в период государственной службы неуемного писателя не могло не навлечь на него злобу, гнев, враждебность и мстительность власть имущих. Чего стоят одни только названия лесковских сочинений (автор любил, чтобы заглавие было «едко и метко», чтобы «кличка была по шерсти»), говорящие сами за себя!

Разрыв государственно-служебных отношений назревал около десяти лет, но был неизбежен. Наконец, он произошел самым драматическим и нетривиальным образом — все, что связано с Лесковым, с его личностью и творчеством, не могло быть не отмечено самобытностью и оригинальностью.

Властям, указавшим на несовместимость литературной деятельности Лескова с его государственной службой, не удалось обуздать великого русского художника слова. Тогда в ход был пущен неприкрытый административный произвол. Министр предложил несговорчивому служащему подать прошение об отставке. В переводе на современный бюрократический язык — написать заявление об увольнении по собственному желанию. Только этот вид отставки давал право на получение пенсии. Писатель категорически отказался подать такое прошение.

Под непосредственным впечатлением тяжелого разговора с министром Лесков писал своему киевскому другу Ф. А. Терновскому: «Дело рассказывать долго нечего: оно произошло 9-го февраля — с глазу на глаз у Делянова, который все просил “не сердиться”, что “он сам ничего”, что “все давления со вне”. Сателлиты этого лакея говорили по городу <...> будто “давление” идет даже от самого государя, но это, конечно, круглая ложь. <...> Прошение не подал и на *просьбу* “упомянуть” о прошении — *не согласился.* <...> Не огорчен я нисколько, но рассержен был очень и говорил прямо и сказал много горькой правды. На вопрос: “Зачем вам такое увольнение”,— я ответил: “Для некролога” и ушел. О “Комаре” <статья Лескова «Протопоп Комарь и две Комарихи» — А. Н.-С.> не было и помина, а приводились “Мелочи архиерейской жизни”, Дневник Исмайлова <лесковские очерки «Синодальные пер-

соны», «Картины прошлого» — А. Н.-С> и “Чехарда” <«Поповская чехарда и приходская прихоть» — А. Н.-С. <...> Сочувствие добрых и умных людей меня утешало. Вообще таковые находят, что я “защитил достоинство, не согласясь упомянуть о прошении”. Не знаю, как вы об этом посудите. Я просто поступил по неодолимому чувству гадливости, которая мутила мою душу во время его подлого и пошлого разговора, — и теперь не сожалею *нимало.* Мне было бы нестерпимо, если бы я поступил иначе» (2, 187—189).

Писатель скорректировал принцип, высказанный Г. Р. Державиным в XVIII веке: *«И истину царям с улыбкой говорить».* Лесков уверился на примерах своего многотрудного жизненного и писательского пути: «“Истины” пора говорить без улыбок, и это можно, а еще более — *это должно»* (XI, 576). За год до смерти — 22 февраля 1894 года — он писал С. Н. Терпигореву: «при каком-нибудь уважении к себе неглупый человек» не станет «хихикать» с властителем, а «поставит его просто на пристойное от себя расстояние» (XI, 576). В истории увольнения Лесков показал образец исполнения этого принципа. Так, он непреклонно отверг всякие компромиссы и «без улыбки» высказал в лицо министру «много горькой правды», поставив его «на пристойное от себя расстояние».

Говоря о Лескове пушкинскими стихами, *«Не в первый раз он тут явил / Души прямое благородство».*

Туго натянутая струна лопнула. Быстро завертелись колесики обычно неповоротливой бюрократической машины, на этот раз мгновенно приведенной в движение рулевыми — «чертовыми куклами»: «9 февраля подписывается “определение” министра народного просвещения за № 1878, коим совершается “отчисление” Лескова от министерства, а 21 февраля приказом министра за № 2 оно закрепляется. Все просто: и без прошения, и без объяснения причин, и без рубля пенсии за двадцать лет беспорочной службы отечеству» (2, 190).

Этот возмутительный факт не остался без внимания прессы: «известие это “произвело некоторую сенсацию” <...>. Что же касается увольнения г. Лескова, то оно просто является каким-то вопросом и во многих возбуждает недоумение» (2, 191), — писали газеты. Поскольку дело получило широкий общественный резонанс, Лесков решил печатно разъяснить недоумения открытым письмом*: «Малозначительное событие — оставление мною службы в Ученом комитете Министерства народного просвещения неожиданно для меня сделалось предметом разнообразных толков, которые частию проникли в печать и, как у вас сказано, “возбуждают недоумение”, которое я имею побуждение разъяснить.

Я отчислен от министерства “без прошения” по причинам, лежащим совершенно вне моей служебной деятельности, которая в течение десяти лет признавалась полезною и никогда не привлекала мне никакого упрека и ни одного замечания при трех министрах: графе Д. А. Толстом, А. А. Сабурове и бароне Николаи.— Для оставления службы мне *не вменено никакой вины,* а указана только “несовместимость” моих литературных занятий с службою. Ничего более.

В том, что я отчислен не по прошению, а “без прошения”, тоже нет ничего меня порочащего или обидного. Мне была предоставлена полная возможность отчислиться по той форме, которая обыкновенно признается удобнейшею, но я сам предпочел ту, которая, на мой взгляд, более верна истинному ходу дела.

Этим, я надеюсь, могут быть разъяснены все “недоумения” моих ближних и дальних друзей и недругов» (2, 191—192).

Драматический разрыв государственно-служебных отношений — увольнение без прошения и без пенсии — Лесков воспринял как освобождение от утомительно тяж-

---

* Новости и Биржевая газета.— 1883.— 10 марта.— № 65.

кой, унизительной, нетворческой, рутинной работы, с которой было покончено навсегда. Целиком и полностью писатель посвящает себя литературе, своему высокому призванию —художественной проповеди.

Спустя десять лет после увольнения в позднем рассказе «Административная грация (Zahme Dressur* в жандармской аранжировке)» (1893) Лесков описал «наши смрадные дни», когда «никуда не уйти от гримас и болячек родной политики» (IX, 388). Администраторы «грациозно» избавляются от неугодных служащих под теми или иными псевдо-благовидными предлогами.

Подобные отношения на чиновничьей службе были всегда и сохранились в их пакостной неизменности до настоящего времени. О чем и свидетельствует автор этих строк, также недавно отставленный с государственной службы в органе региональной власти — так называемом «Орловском областном Совете народных депутатов» — уже в XXI веке по всем приемам «административной грации» под видом «сокращения штата». Как и следовало ожидать, штат вскоре вновь был раздут до размеров больших, чем до сокращения. Набрали ложно-образованных, но «своих» — угодных и услужливых.

Фарисеям и «законникам разноглагольного закона» Господь Иисус Христос адресовал гневное обличение: «Он сказал: и вам, законникам, горе, что налагаете на людей бремена неудобоносимые, а сами и одним перстом своим не дотрагиваетесь до них» (Лк. 11:46).

«Не можете служить Богу и мамоне» (Лк. 16: 13), — говорит Христос. Как легко и соблазнительно зло может рядиться в одежду добра. Распознавать такую маскировку учил Святой старец Силуан Афонский: «Всякое зло <...> паразитарно живет на теле добра, ему необходимо найти себе оправдание, предстать облеченным в одежду добра, и нередко высшего добра», потому что «зло всегда действует обманом, прикрываясь добром». Но, как пояснял старец, различение добра и зла необходимо и возможно, поскольку «добро для своего осуществления не нуждается в содействии зла, и потому там, где появляются недобрые средства (лукавство, ложь, насилие и подобное), там начинается область, чуждая духу Христову»**.

«Была бы душа в сборе да работали бы руки», — писал Лесков своему другу, киевскому профессору и историку Церкви Ф. А. Терновскому. Он был писателю «мил и близок по симпатиям и даже по несчастию»: «Оба мы были одинаково и одновременно оклеветаны и вышвырнуты из службы как люди “несомненно вредного направления”. История эта, подлая и возмутительная по своему гнусному и глупому составу, была тяжела для меня (и остается такою), а Филиппа Алексеевича она стерла с земли» (2, 273—274). Терновский был лишен кафедры в Киевской духовной академии, ему также угрожало увольнение из Киевского университета. Но смерть профессора в 1884 году опередила это «подлое и возмутительное» событие.

Известие о смерти Терновского, судьба которого была во многом схожа с лесковской: «Мы с ним одновременно понесли одинаковые гонения несправедливых людей, и я это перенес, или, кажется, будто перенес, а он, — с его удивительно философским отношением к жизни,— опочил... Пожалуй, не выдержал...» (2, 274),— подтвердило мысль писателя об отношении властей к честным людям в России. По этому поводу Лесков не раз цитировал строки пушкинского стихотворения: *«Здесь человека берегут, как на турецкой перестрелке!»* (2, 254)

Писатель продолжал переносить несправедливые нападки фарисеев, но до конца дней своих готов был служить Родине, насколько хватало сил.

---

* Мягкая, ручная дрессировка (нем.).

** Старец Силуан. Жизнь и поучения.— М.; Новоказачье; Минск, 1991.— С. 107—108.

Так, в «картинках с натуры» из жизни церковного «чиноначалия» «Мелочи архиерейской жизни» ставились задачи отнюдь не «мелкие»: вымести «сор из храма», призвать священнослужителей всецело соответствовать их высокому духовно-нравственному предназначению. Но для самого автора «Мелочи...» обернулись крупными проблемами и в его жизни сыграли свою фатальную роль.

Писатель и его книга подверглись настоящим гонениям. «Мелочи архиерейской жизни» явились одной из главных причин увольнения Лескова из Ученого комитета Министерства народного просвещения в 1883 году. Год спустя книга была изъята из библиотек «по высочайшему повелению». В 1889 году, когда писатель узнал об аресте напечатанного без предварительной цензуры 6-го тома Собрания его сочинений, куда входили «Мелочи архиерейской жизни»*, он испытал первый приступ болезни сердца, оказавшейся впоследствии смертельной. По свидетельству сына Лескова, «экземпляры оторванной части шестого тома были отвезены в Главное управление по делам печати и там были сожжены» (2, 381).

Как мог вынести все это несправедливо гонимый писатель непостыдной совести? Неизменное утешение черпают изгнанники за имя Христово в антиномиях Нагорной проповеди: *«Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся»; «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня; Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас»* (Мф. 5: 6; 10—12).

Евангельское обетование *«блаженств»*, уготованных Господом всем, кто словом и делом возвещает истину, духовно укрепляло Лескова. А «пострадать за правду,— это в порядке вещей» (X, 470),— сознавал писатель. *«Если злословят вас за имя Христово, то вы блаженны»*,— учит Святой Апостол Петр. И если кто-то *«пострадал как Христианин, то не стыдись, а прославляй Бога за такую участь»* (1Пет. 4: 14; 16).

---

* Запрещенный цензурой 6-й том Собрания сочинений Лескова составили «Захудалый род», «Мелочи архиерейской жизни», «Архиерейские объезды», «Епархиальный суд», «Русское тайнобрачие», «Борьба за преобладание», «Райский змей», «Синодальные философы», «Бродяги духовного чина», «Сеничкин яд», «Приключение у Спаса в Наливках» (СПб.,1889). На этой книге из личной библиотеки писателя имеется особый лесковский шпемпель: «редкий экземпляр».